

УДК 572

DOI: 10.17223/19988613/49/20

Д.В. Пежемский

НАСЕЛЕНИЕ ТОМСКА XVII–XIX вв. В СИСТЕМЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Представлены результаты нового этапа морфометрического анализа краниологических данных о населении Томска XVII–XIX вв., собранных С.М. Чугуновым на рубеже XIX–XX вв. и в конце XX в. изученных В.А. Дрёмовым. Современными методами показано отсутствие достоверных отличий между краниометрическими характеристиками, полученными предшественниками, несмотря на большую разницу в числе изученных ими черепов. Выявлено несовпадение техники измерения ряда признаков, в первую очередь – размеров глазницы. Обнаружены существенные отличия между антропологическими типами, эмпирически выделенными С.М. Чугуновым. Население Томска в краниологическом отношении пока не находит близких аналогий среди населения Европейской России эпохи финальных этапов этногенеза русского народа. Женское и мужское население Томска демонстрирует своеобразие антропологического облика.

Ключевые слова: физическая антропология; краниология; православное население Томска.

Антропологические исследования по русским Сибири значительно уступают по количеству и объему материала подобным исследованиям по Европейской России. Особенно остро стоит вопрос о физических особенностях русского населения XVII–XIX вв. Православное население Томска первых двух веков его существования оказалось первым, которое было изучено за Уральским хребтом с точки зрения морфологии черепа [1].

После систематических сборов черепов из православных кладбищ, которые проводил выдающийся русский антрополог Сергей Михайлович Чугунов (1854–1920) на рубеже XIX и XX вв., новые материалы по краниологии русских Сибири появились только спустя столетие [2, 3].

Однако хотелось бы обратить внимание на то, что морфометрические данные, полученные С.М. Чугуновым, и поныне остаются ценным источником для дальнейшей разработки проблемы происхождения и особенностей формирования популяций русских Сибири. Этому способствует огромный труд по переработке цифрового материала, опубликованного С.М. Чугуновым, сделанный значительно позднее Владимиром Анатольевичем Дрёмовым (1940–1996) [4].

Цель настоящей работы – сравнительная краниологическая характеристика населения Томска XVII–XIX вв. и попытка найти параллели его антропологическому типу среди населения Европейской России как несколько более раннего времени, так и синхронного.

Поставлены следующие задачи:

1. Объективными методами сопоставить данные С.М. Чугунова, как наиболее многочисленные, и данные В.А. Дрёмова, как не вызывающие сомнения с точки зрения методики, что важно для использования цифрового материала обоих исследователей в дальнейших сравнительных анализах.

2. Сравнить между собой характеристики краниологических «типов», эмпирически выделенных С.М. Чугуновым.

3. Сравнить антропологические особенности населения Томска с особенностями русского городского населения Европейской России XVI–XVIII вв.¹

Материалы С.М. Чугунова, при всей их основательности, были опубликованы без подсчета средних показателей и элементарной статистической обработки. В.А. Дрёмов переработал его цифровой материал и дал современное описание краниологических особенностей обобщенной выборки мужского и женского населения Томска XVII–XIX вв. Судя по всему, В.А. Дрёмов делал поправку на западносибирский масштаб изменчивости краниометрических признаков, чем определяются расхождения между его характеристиками и описаниями в настоящей работе, где оценка дана строго в соответствии с категориями Г.Ф. Дебеца [5. С. 112–122].

Мужское население Томска В.А. Дрёмов характеризует как мезобахикранное, со средними величинами горизонтальных диаметров мозговой коробки. Высота свода черепа описана как большая, в действительности значение её расположено на границе средних и больших величин. Длина основания черепа средняя. Лоб он обозначает как умеренно широкий, однако наименьшая ширина лобной кости относится к средним значениям. Лицо средней ширины и высоты, значительно профилированное в горизонтальной плоскости, выступает средне (скорее мезогнатное, нежели ортогнатное). Отметим, что верхняя ширина лица большая. Нос описан В.А. Дрёмовым как высокий, среднеширокий, сильно выступающий. Стоит уточнить, что нос средней высоты, но имеет сдвиг к большим значениям и выступает совсем не резко. Кроме того, им отмечается, что орбиты широкие и низкие, а переносье высокое, с чем можно полностью согласиться.

Для женского населения, как полагал В.А. Дрёмов, довольно близкого к морфологическому типу, представленному у мужчин, характерны относительно более крупное лицо, мезогнатия и некоторая его уплощенность, более низкое переносье и слабее выступающие носовые кости. Проведенное в данном исследовании категориальное сравнение средних, полученных по мужским и жен-

ским черепам, свидетельствует в пользу мнения В.А. Дрёмова о значительной их морфологической близости. При этом различий выявлено значительно меньше (особенно с учетом малого числа – от 8 до 11 – наблюдений по сохранившимся женским черепам). Разница между мужчинами и женщинами вполне укладывается в известные представления о нормальном половом диморфизме. Тем не менее стоит отметить более широкую, брахикранную, с более длинным основанием, мозговую коробку у женщин, а также более уплощенное лицо на среднем уровне. Прочие отличия не стоит подчеркивать, так как они, скорее всего, недостоверны.

Для целей дальнейшей работы и выявления возможности сравнения цифрового материала XIX в. было чрезвычайно важно выяснить, насколько реальна и значима разница между современной методикой и измерительной техникой С.М. Чугунова. В.А. Дрёмов писал о расхождении своих данных по краниометрической характеристике населения Томска с результатами измерений С.М. Чугунова. Он был склонен объяснять их значительно меньшим числом черепов, сохранившихся до сего дня, и разным их составом [4. С. 144].

Однако детальный анализ различий краниометрических данных предшественников при помощи t-критерия Стьюдента уверенно показал, что дело не только в названных причинах (табл. 1). По большинству признаков, даже невзирая на столь большую разницу в числе черепов, данные С.М. Чугунова и В.А. Дрёмова достоверно не отличаются (!). Статистически достоверная разница на самом высоком уровне значимости обнаруживается только по трём признакам: ширина и высота орбиты, а также ширина носа (и, как следствие, носового указателя). Судя по всему, при измерении этих важнейших признаков С.М. Чугунов пользовался отличным от современного способом их фиксации. Проблема заключается в методических расхождениях, что лишает нас возможности использовать указанные элементы обязательного краниометрического бланка в ходе сравнительного анализа. Его придётся проводить по сокращенной программе, описанной ниже.

В соответствии с представлениями своего времени, большинство черепов С.М. Чугунов распределил по нескольким краниологическим типам, выделенным визуально, в том числе «русско-славянскому», «русско-инородческому», «тюрко-монгольскому». С точки зрения современного расоведения и этнической антропологии, принять этот подход невозможно, однако морфологическое разнообразие, описанное таким способом, необходимо рассмотреть заново и по возможности интерпретировать.

Начнём с сопоставления «русско-славянского» и «русско-инородческого» типов. Для женской части выборки это можно сделать с серьезными оговорками, ибо «русско-инородческий» тип у женщин представлен лишь пятью черепами. Мужская часть выборки позволяет принять во внимание точку зрения С.М. Чугунова и выявить реальные отличия двух типов, так как первый насчитывает

65 черепов, второй – 32 (табл. 2). Поскольку статистические параметры не опубликованы, оценить различия между ними можно только при помощи t-критерия Стьюдента, используя стандартные значения среднего квадратического отклонения [5. С. 123–127].

Проведенное сравнение уверенно выявило абсолютную реальность морфологических различий между «русско-славянским» и «русско-инородческим» типами. В будущем, если удастся их содержательно интерпретировать, безусловно, нужно изменить использованные С.М. Чугуновым названия как полностью устаревшие. По лицевому скелету разница между «типами» максимальна и достоверна на самом высоком уровне значимости (за исключением ширины орбиты). По мозговому отделу черепа различия менее резки. Так, поперечный диаметр, ушная высота и наименьшая ширина лба не обнаруживают отличий. Но реальные отличия фиксируются по продольному диаметру и черепному указателю. В категориальном отношении обе группы черепов описываются одними и теми же характеристиками. Им свойственны средних размеров продольный и поперечный диаметры, высокий (!) по абсолютному значению свод черепа и относительно среднеширокая лобная кость. Однако «русско-славянский» тип брахикранен, относительная высота его свода при этом невелика, лоб средней ширины, «русско-инородческий» – мезокранен, с большой относительной высотой свода и широким лбом. Лицевой отдел у обеих групп средних размеров и пропорций, но у «русско-инородческой» группы лицо достоверно шире и ниже. Орбиты низкие (и абсолютно, и относительно) в обоих случаях, но у «русско-инородческой» группы они ниже, чем у «русско-славянской». Высота носа у этой группы большая, у «русско-инородческого» типа – средняя. Нос среднеширокий, по указателю даже узкий в первой группе, во второй группе он существенно шире, как и дакриальная ширина переносья.

В целом, видимо, отличия между «русско-славянским» и «русско-инородческим» типами С.М. Чугунова сводятся к заметному участию в формировании «русско-инородческого» типа компонента уральского происхождения (не в географическом, а в расоведческом смысле). Вполне возможно, что «русско-инородческий» тип собственно и представляет тот или иной вариант уральской расы. Дальнейший ход исследования, возможно, покажет направления его антропологических связей.

Сравнительная краниологическая характеристика жителей Томска проведена В.А. Дрёмовым эмпирически и только на фоне имевшегося на тот момент опубликованного цифрового материала [6]. Он сопоставил данные по населению Томска с данными по русскому населению различных губерний XIX в., опубликованными В.П. Алексеевым², и отметил более крупные размеры томских черепов – горизонтальных диаметров мозгового отдела, скуловой ширины, высоты лица и носа. Этот вывод хорошо согласуется с известным своеобразием абсолютно всех изученных групп современных русских Сибири [8].

Таблица 1

Краткая краниметрическая характеристика мужского населения Томска XVII–XIX вв.

Признак, № по Р. Мартину	По Чугунову (n = 127)	По Дрёмову (n = 19)	t-критерий Стьюдента
1. Продольный диаметр	181,2	180,6	0,40
8. Поперечный диаметр	144,3	143,8	0,41
8:1. Черепной указатель	79,6	79,7	0,13
17. Высотный диаметр	136,0	136,9	0,71
17:1. Высотно-продольный указатель	75,1	75,9	1,00
17:8. Высотно-поперечный указатель	94,5	96,2	1,50
9. Наименьшая ширина лба	97,9	97,6	0,28
45. Скуловой диаметр	135,2	136,8	1,25
48. Верхняя высота лица	71,8	73,1	1,26
48:45. Верхний лицевой указатель	53,1	53,5	0,50
51a. Ширина орбиты от d	39,2	40,9	3,97
52. Высота орбиты	32,1	33,3	2,51
55. Высота носа	53,8	52,8	1,37
54. Ширина носа	25,0	26,4	3,09
54:55. Носовой указатель	46,6	50,1	3,39

Примечание. Подчеркнуто значение t-критерия Стьюдента при $p = 0,05$ – уровень достоверности различий 95%, полужирным шрифтом выделены значения при $p = 0,01$ – уровень достоверности различий 99%.

Таблица 2

Сравнительная характеристика двух краниологических типов, встречающихся среди населения Томска XVII–XIX вв. (по С.М. Чугунову)

Признак, № по Р. Мартину	Мужские черепа			Женские черепа		
	«РС» (n = 65)	«РИ» (n = 32)	t-крит.	«РС» (n = 19)	«РИ» (n = 5)	t-крит.
1. Продольный диаметр	180,1	182,8	<u>2,05</u>	174,1	174,2	0,03
8. Поперечный диаметр	144,0	143,4	0,56	140,3?	141,6	0,54
8:1. Черепной указатель	80,0	78,4	<u>2,32</u>	80,6	81,3	0,44
17. Высотный диаметр	137,7	137,0	0,66	131,3	133,4	0,89
17:1. Высотно-продольный указатель	76,5	74,8	<u>2,54</u>	75,4	76,6	0,77
17:8. Высотно-поперечный указатель	95,6	97,6	<u>2,10</u>	93,6	94,2	0,27
9. Наименьшая ширина лба	97,8	99,3	1,58	94,2	99,0	<u>2,22</u>
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,9	69,2	1,82	67,0	69,9	1,75
45. Скуловой диаметр	133,4	136,1	2,45	125,6	128,0	0,99
48. Верхняя высота лица	72,2	69,6	2,94	68,1	71,4	1,73
48:45. Верхний лицевой указатель	54,1	51,2	4,26	54,2	55,7	0,95
51a. Ширина орбиты от d	39,0	39,3	0,82	37,8	38,6	0,99
52. Высота орбиты	32,2	31,1	2,68	31,7	31,8	0,12
52:51a. Орбитный указатель	82,6	79,3	2,91	84,0	82,4	0,61
55. Высота носа	54,4	52,3	3,35	50,9	52,6	1,25
54. Ширина носа	24,5	25,8	3,34	23,6	25,2	1,87
54:55. Носовой указатель	45,2	48,5	3,73	46,4	48,9	1,21
DC. Дакриальная хорда	21,6	22,9	2,72	20,3	23,2	2,79

Примечание. Подчеркнуты значения t-критерия Стьюдента при $p = 0,05$ – уровень достоверности различий 95%, полужирным шрифтом выделены значения при $p = 0,01$ – уровень достоверности различий 99%.

Для решения основной задачи этой статьи был выбран канонический дискриминантный анализ, проведенный при помощи программы MultiCan, разработанный Н.Н. Гончаровой и И.А. Гончаровым в 2013 г.

Краниметрические материалы по населению Томска использовались в многомерном статистическом анализе в следующих вариантах: «русско-славянский» тип, «русско-инородческий» тип, «тюрко-монгольский» тип и «другие инородческие типы» (по С.М. Чугунову), а также обобщенная выборка, т.е. население Томска в среднем (по В.А. Дрёмову). Приведенный выше анализ цифрового материала позволяет уверенно опираться при сравнении только на 7 краниметрических признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры мозгового отдела черепа, наименьшая ширина лобной кости, скуловая ширина, верхняя высота лицевого скелета и высота носа³, которые отражают общие, габаритные размеры черепа.

К сравнительному анализу были привлечены локальные краниологические серии, представляющие городское население Европейской России XVI–XVIII вв. (всего 21 мужская выборка):

- 4 серии черепов из Пскова [9, 10];
- 4 серии из Великого Новгорода [11–14];
- 5 выборок из православных кладбищ Казани [6; неопубликованные данные Е.М. Макаровой], а также
- Чебоксар, Йошкар-Олы и Перми [15, 16; неопубликованные данные Е.М. Макаровой];
- серии из Старой Ладogi, Себежа, Симбирска [6];
- серии из Твери [17] и
- Свяжска [18].

По результатам проведенного канонического дискриминантного анализа краниметрических данных первые два канонических вектора (КВ) описывают 66,2% общей изменчивости. На КВ I падает 44,7%, ко-

ими «управляют» высота носа и высота лица, связанные отрицательно. КВ II описывает 21,5% общей изменчивости, которая заключена в основном в скуловой ширине лица и высоте свода, также скоррелированных отрицательно. Следовательно, этот вектор отделяет широколицые и низкосводные группы от относительно узколицых и высокосводных. Существенную дифференциацию по значениям КВ II показывает только «тюрко-монгольский» тип С.М. Чугунова, задающий

здесь масштаб межгрупповой изменчивости в пределах двух рас и, соответственно, «сжимающий» морфологическое пространство всех остальных сравниваемых выборок (рис. 1). За отсутствием в анализе признаков, традиционно используемых для расовой диагностики, было важно показать, что «тюрко-монгольский» тип чрезвычайно далек от всего того краниологического многообразия, которое диктуют выборки Европейской России.

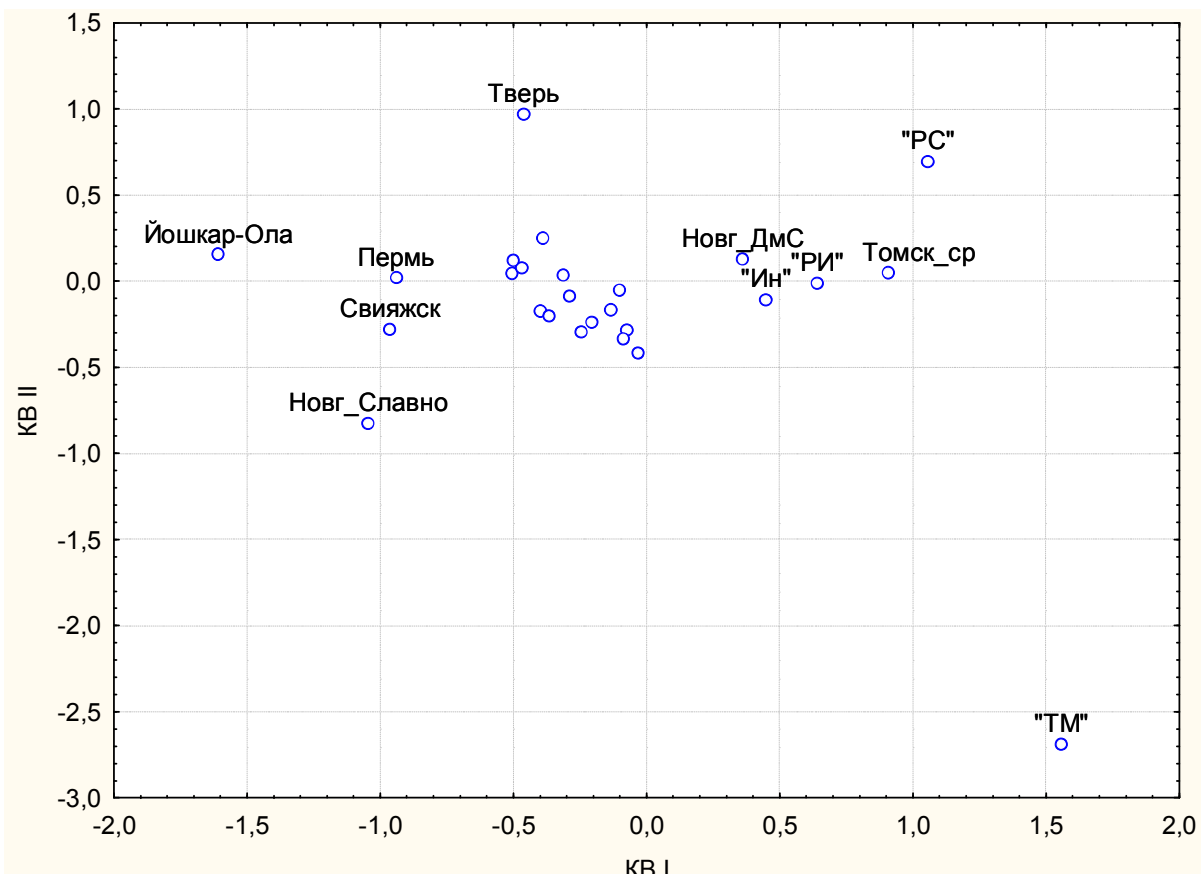

Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий из городов Европейской России в пространстве значений первого и второго канонических векторов: Томск_ср – обобщенная характеристика населения Томска (по В. А. Дрёмову); «РС» – «русско-славянский»; «РИ» – «русско-инородческий»; «ТМ» – «тюрко-монгольский»; «Ин» – «другие инородческие» типы С.М. Чугунова; Новг – Великий Новгород; ДМС – церковь Димитрия Солунского

Важнейшими результатами данного сравнительного анализа явились следующие:

– большинство привлеченных выборок представляют собой очень компактное, относительно однородное на межгрупповом уровне, морфологическое явление (Псков, Старая Ладога, Себеж, две выборки из Великого Новгорода, Казань, Симбирск, Чебоксары)⁴;

– очевидным своеобразием обладает население Твери (возможно, за счет материалов XIX в.), Перми и Йошкар-Олы (расположенных в зоне межэтнических контактов), Свияжска и Великого Новгорода, что потребует специального рассмотрения в дальнейшем;

– мужское население города Томска продемонстрировало исключительную самостоятельность своего антропологического типа по отношению к населению подавляющего числа городов Европейской России, при

этом «русско-славянский» тип С.М. Чугунова, против ожиданий, совершенно не находит себе очевидных аналогий в среде последнего (!).

При дальнейшей характеристике результатов важно не упустить из виду не только тот факт, что все «типы» томичей морфологически изолированы от городского населения Европейской России, но также, что эти типы относительно близки между собой, в том числе «другие инородческие». Нельзя не увидеть, что «русско-славянский» тип максимально удален от европейских выборок и демонстрирует свою относительную самостоятельность по отношению к другим выборкам с территории Томска.

С учетом сказанного выше особое значение приобретает единственная аналогия краниологическим особенностям населения Томска – это очень небольшая серия черепов из раскопок И.В. Антипова в церкви

Дмитрия Солунского, расположенной в Плотницком конце Великого Новгорода (условно датирована XVII в.). Данная выборка всегда привлекала внимание своей исключительной непохожестью на всё известное нам разнообразие черепов из городских кладбищ Северо-Западного региона. Далеко идущих выводов, например, о сходстве населения Томска и Великого Новгорода, делать на этом основании категорически нельзя. Однако из этого обстоятельства образуется важное следствие – краниологическая специфика населения Томска не полностью «независима» от краниологического разнообразия Европейской России. Не исключено, что в дальнейшем ей найдутся более точные аналогии.

Выводы:

1. Сопоставление измерительных данных С.М. Чугунова и морфометрических данных В.А. Дрёмова показало, что, не взирая на существенные различия в численности наблюдений, они не имеют достоверных отличий за исключением некоторых признаков (размеры глазницы, ширина носа), что объясняется методическими расхождениями, а не составом серий.

2. Краниологические особенности населения Томска XVII–XIX вв. пока не находят себе близких аналогий среди краниологического разнообразия русского православного населения Европейской России эпохи финальных этапов этногенетического процесса, что не исключает их обнаружения в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Задача привлечь весь известный материал не ставилась, а выборки с территории г. Москвы, как и сельские группы русских, на данном этапе исключены из анализа умышленно; первые – из-за чрезвычайного краниологического разнообразия населения столицы, вторые – в силу известных глубинных различий между городским и сельским населением.

² Недавно была высказана точка зрения, согласно которой это население в целом можно считать сельским [7], с чем довольно трудно согласиться.

³ Номера по Р. Мартину – 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55.

⁴ Они занимают центральное положение на графике и для простоты восприятия лишены условных обозначений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чугунов С.М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Материалы для антропологии Сибири. Томск, 1905. Вып. 15. 197 с.
2. Багашёв А.Н., Антонов А.Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГУ, 2005. С. 29–37.
3. Багашёв А.Н., Антонов А.Л. Краниологическая характеристика русских старожил Омского Прииртышья // Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск : Апельсин, 2010. С. 247–280.
4. Дрёмов В.А. Население Томска в XVII–XVIII вв. // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. Т. 4 : Расогенез коренного населения. С. 140–147.
5. Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 128 с.
6. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М. : Наука, 1969. 324 с.
7. Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // Российская археология. 2016. № 2. С. 75–87.
8. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк / отв. ред. В.В. Бунак, И.М. Золотарева. М. : Наука, 1973. 189 с.
9. Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 109 с.
10. Пежемский Д.В. Новые краниологические материалы по позднесредневековому населению Пскова // Вестник антропологии. 2013. № 3. С. 121–126.
11. Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. М. : Старый сад, 2000. Ч. II. С. 95–129.
12. Пежемский Д.В. Краниологические материалы из раскопок А.В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения : материалы науч. конф. (21–24 сентября 2002 г.). Великий Новгород : Новгородский музей-заповедник, 2004. С. 106–113.
13. Пежемский Д.В. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. М. : ИЭА РАН, 2012. Вып. 21. С. 37–48.
14. Евтеев А.А., Олейников О.М. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // Российская археология. 2015. № 1. С. 176–192.
15. Макарова Е.М., Газимзянов И.Р., Михеев Е.П. Антропологический состав населения города Чебоксары в XVI–XVII вв.: по материалам раскопок 2006 г. // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья : материалы Всерос. науч.-практич. конф. (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.). Чебоксары : ЧГИГН, 2013. С. 159–170.
16. Макарова Е.М., Харламова Н.В. Население Царевококшайска (Йошкар-Олы) кон. XVI – сер. XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 82–88.
17. Харламова Н.В. Тверское население XVI–XX веков по данным краниологии // Вестник антропологии. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2012. Вып. 21. С. 49–58.
18. Макарова Е.М. Первые поселенцы о.-г. Свяжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология : материалы конф. молодых ученых. Москва, 16–17 декабря 2010 г. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. С. 21–32.

Pezhemsky Denis V. Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: pezhemsky@yandex.ru

POPULATION OF TOMSK OF THE 17-TH–19TH CENTURIES AND ANTHROPOLOGICAL DIVERSITY OF EUROPEAN RUSSIA.

Keywords: physical anthropology; craniology; orthodox Christian population of Tomsk.

This article presents a new stage of craniological data studying of Tomsk population of the 17-19th centuries. This study involves comparative analysis of Tomsk population and finding parallels for its anthropological type among European Russia population. This article is based on tabular craniometric data collected and published by S.M. Chugunov in 1905 and revised by V.A. Dremov in 1998. The tasks of this work are: 1) comparison of the data collected by S.M. Chugunov (the most extensive set) with the data published by V.A. Dremov (the most reliable set in terms of methodology); 2) comparison of craniological traits complexes ("craniological types") empirically distinguished by S.M. Chugunov; 3) comparison of anthropological characteristics of Tomsk population with those of Russian urban population of European Russia of the 16–19th centuries. The first stage of this study revealed no significant difference between craniometric data obtained by S.M. Chugunov and V.A. Dremov. The assumption was made that the measurement technique was inconsistent in some cases (first of all, eye pit measurement technique). The study included within-group analysis on craniological types level empirically distinguished by S.M. Chugunov. The analysis revealed significant differences between those types which assume complex composition of Tomsk population. Its morphological diversity far exceeded that of normally variable population. The second stage of the study involved inter-group comparative analysis. As a study method canonical discriminant analysis was chosen and performed by MultiCan program developed by I.A. Goncharov (2013). 7 craniometric traits were compared: neurocranium length, width and height, minimum width of frontal bone, zygomatic width, upper facial height and nose height. For comparative analysis local series of urban population of European Russia of the 16–19th centuries were used – from Pskov, Sebezh, Staraya Ladoga, Velikiy Novgorod, Tver, Kazan, Sviyazhsk, Simbirsk, Cheboksary, Yoshkar-Ola and Perm (21 male series). Comparative analysis showed that all craniological types of Tomsk population are morphologically separated from urban population of European Russia but are relatively close within the group. Therefore the population of Tomsk has no close comparison in the population of European Russia at the final phase of Russian ethnogenesis. The female and male population of Tomsk both show distinctiveness of anthropological types.

REFERENCES

1. Chugunov, S.M. (1905) *Antropologicheskii sostav naseleniya goroda Tomsk po dannym pyati starinnykh pravoslavnykh kladbishch. Materialy dlya antropologii Sibiri* [Anthropological Composition of the Tomsk Population According to the Data of Five Ancient Orthodox Cemeteries. Materials for Siberian Anthropology]. Issue 1. Tomsk: [n.d.].
2. Bagashev, A.N. & Antonov, A.L. (2005) K probleme genezisa komponentov antropologicheskoy struktury russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Omskogo Priirtysh'ya [On the genesis of components of the anthropological structure of the Russian old-timer population in Omsk Irtys Region]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State University. pp. 29–37.
3. Bagashev, A.N. & Antonov, A.L. (2010) Kraniologicheskaya kharakteristika russkikh starozhilov Omskogo Priirtysh'ya [Craniological characteristics of Russian old-timers in Omsk Irtys Region]. In: Tataurova, L.V. *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk-I* [The Funeral Rite of Russian Middle Irtys Region in the 17th – 19th Centuries on the Materials of the Izyuk-I Complex]. Omsk: Apel'sin. pp. 247–280.
4. Dremov, V.A. (1998) Naselenie Tomsk v XVII–XVIII vv. [The population of Tomsk in the 17th – 18th centuries]. In: Lukina, N.V., Kulemzin, V.M. & Matyushchenko, V.I. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Culturogenesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 140–147.
5. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniometry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka.
6. Alekseev, V.P. (1969) *Proiskhozhdenie narodov Vostochnoy Evropy (kraniologicheskoe issledovanie)* [The Origin of the Peoples of Eastern Europe (A Craniological Research)]. Moscow: Nauka.
7. Konopelkin, D.S. & Goncharova, N.N. (2016) Sravnitel'nyy kraniologicheskii analiz vostochnoevropeskikh gorodskikh i sel'skikh vyborok XVI–XVIII vv. [Comparative craniological analysis of East European urban and rural samples of the 16th – 18th centuries]. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 75–87.
8. Bunak, V.V. & Zolotareva, I.M. (eds) *Russkie starozhily Sibiri: Istoriko-antropologicheskii ocherk* [Russian Old-Timers of Siberia: Historical and Anthropological Essay]. Moscow: Nauka.
9. Sankina, S.L. (2000) *Etnicheskaya istoriya srednevekovogo naseleniya Novgorodskoy zemli po dannym antropologii* [Ethnic History of the Medieval Population of the Novgorod Land According to Anthropology]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
10. Pezhemskiy, D.V. (2013) Novye kraniologicheskie materialy po pozdnesrednekovomu naseleniyu Pskova [New craniological materials on the late medieval population of Pskov]. *Vestnik antropologii*. 3. pp. 121–126.
11. Pezhemskiy, D.V. (2000) Novye materialy po kraniologii pozdnesrednekovykh novgorodtsev [New materials on the craniology of late medieval Novgorodians]. In: Alekseeva, T.I. (ed.) *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Peoples of Russia: From Past to Present]. Part 2. Moscow: Staryy sad. pp. 95–129.
12. Pezhemskiy, D.V. (2004) [Craniological materials from A.V. Artsikhovskiy's excavations in 1936–1938 and 1952]. *Novgorodskie arkhologicheskie chteniya* [Novgorod Archaeological Readings]. Proc. of the Conference. September 21–24, 2002. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik. pp. 106–113. (In Russian).
13. Pezhemskiy, D.V. (2012) Pervye paleoantropologicheskie materialy iz Staroy Russey [The first paleoanthropological materials from Staraya Russa]. *Vestnik antropologii*. 21. pp. 37–48.
14. Evteev, A.A. & Oleynikov, O.M. (2015) Arkheologicheskie i paleoantropologicheskie issledovaniya na Dan'slavle ulitse v Velikom Novgorode [Archaeological and paleoanthropological studies on Danslavl street in Veliky Novgorod]. *Rossiyskaya arkhologiya – Russian Archeology*. 1. pp. 176–192.
15. Makarova, E.M., Gazimzyanov, I.R. & Mikheev, E.P. (2013) [Anthropological composition of the population of Cheboksary in the 16th–17th centuries: based on excavations in 2006]. *Gorod Cheboksary i ego okruga v epokhu Srednevekov'ya* [Cheboksary and its Districts in the Middle Ages]. Proc. of the Russian Conference. Cheboksary. September 26, 2013. Cheboksary: ChGIGN. pp. 159–170. (In Russian).
16. Makarova, E.M. & Kharlamova, N.V. (2013) Naselenie Tsarevokokshayska (Yoshkar-Oly) kon. XVI – ser. XVIII vv. po dannym antropologii (predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya) [The population of Tsarevokokshaysk (Yoshkar-Ola) in the late 16th – mid-18th centuries according to anthropological data (preliminary results of the study)]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. pp. 82–88.
17. Kharlamova, N.V. (2012) Tverskoe naselenie XVI–XX vekov po dannym kraniologii [The Tver population in the 16th – 20th centuries according to craniology]. *Vestnik antropologii*. 21. pp. 49–58.
18. Makarova, E.M. (2011) [The first settlers in Sviyazhsk. On the anthropological composition of the population]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya etnologiya* [Historical and Cultural Heritage and Modern Ethnology]. Proc. of the Conference. Moscow. December 16–17, 2010. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. pp. 21–32. (In Russian).